

НОЯБРЬ 2023

Дом на болоте: как российское общество спряталось от украинского конфликта

Денис Волков, Андрей Колесников

Дом на болоте: как российское общество спряталось от украинского конфликта

Денис Волков, Андрей Колесников

© Фонд Карнеги за международный мир, 2023. Все права защищены.

Фонд Карнеги как организация не выступает с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда, его персонала или Совета попечителей.

Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме без письменного разрешения Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии или Фонда Карнеги за международный мир. За разрешением можно обратиться по следующим адресам:

Фонд Карнеги за международный мир
Отдел публикаций
1779 Massachusetts Avenue NW
Washington, DC 20036
P: + 1 202 483 7600
F: + 1 202 483 1840
CarnegieEndowment.org

Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии
Pariser Platz 4a
10117 Berlin, Germany
RussiaEurasiaCenter@ceip.org
CarnegieRussiaEurasia.org

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта CarnegieRussiaEurasia.org.

Содержание

Уровни поддержки «спецоперации»	2
Уровни антивоенных настроений	5
Неготовность протестовать	9
Социально-политический контекст мнений о войне	10
Доктор Стрейнджлав в России. Вместо послесловия	18
Об авторах	21
Примечания	23
Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии	25

За полтора года боевых действий российское общество привыкло к жизни на фоне жесточайшего военного конфликта. Но именно — на фоне. Шок частичной мобилизации по силе воздействия на умы и души оказался едва ли не мощнее шока 24 февраля 2022 года, потому что предполагал физическое соучастие граждан в «спецоперации» (СВО), начатой властью, и расплату с государством не молчаливой поддержкой, а собственными телами. Пережив это уникальное в истории постсоветской России событие, существенная часть населения свыклась с мыслью о том, что жить в военном состоянии придется очень долго. А значит, надо приспособливаться к существующей реальности, повлиять на которую у обычного жителя страны нет возможности, а зачастую и желания.

Война пришла на территорию России — в приграничные области, в Москву, для которой прилетающие дроны и отмены авиарейсов стали обычным делом. Рутинной стала и эта, казалось бы, абсолютно новая реальность, к которой население довольно быстро привыкло, и разве что поездок в Крым на отдых стало немного меньше. Провалились все наивные предсказания по поводу того, что ухудшение качества и уровня жизни, полувоенное состояние на территории самой России, санкции, которые бьют не столько по Путину и его команде, сколько по среднему классу, спровоцируют такую волну недовольства, что режим или смягчится, или самоустранится в результате протестов.

Результат получился скорее обратный — не то чтобы большинство россиян стали считать эту власть своей, но мотив консолидации вокруг Кремля, который ведет битву не на жизнь, а на смерть с Западом, желающим уничтожить Россию, при всем неправдоподобии многими акцептован как наиболее логичное объяснение затянувшегося кошмара.

Разумеется, есть недовольные. Разумеется, есть миллионы противников авторитаризма и бойни, в том числе те, кто высказывает свои взгляды открыто и сопротивляется. Есть и такие, кто искренне и агрессивно поддерживает Путина, их теперь называют «турбопатриотами». Но основная масса инертна, она вяло и механически «скорее поддерживает» то, что делает власть, или «затрудняется с ответом» на вопросы о том, что происходит, стоит ли поддерживать режим и когда «все это» кончится. Это та часть населения, которая воспитывает в себе равнодушие, — по аналогии с выученной беспомощностью такое состояние можно назвать **выученной индифферентностью**.

Кремль, вероятно, понимающий риски чрезмерного беспокойства разных групп населения, старается их не сильно нервировать: идет индоктринация идеологией, прежде всего — в сфере среднего и высшего образования; власти посылают то мобилизующие сигналы, то демобилизующие, но в целом средний россиянин, не вовлеченный напрямую в собственно горячую войну, может жить в стране, как и прежде — не очень хорошо, но и не так чтобы плохо. Путин в глазах граждан легитимен, и еще один ритуал подтверждения его безальтернативности пройдет в марте 2024 года. Но раз легитимен Путин, то легитимна и начатая им «спецоперация» — что, собственно, и должно подтвердить это голосование, именуемое «президентскими выборами». Основной, инертной массе населения остается только ждать, когда закончатся сложные времена, — их просто нужно пережить и перетерпеть.

Эта наша работа — о том, какие основные процессы и изменения происходили в обществе за последний год, примерно с августа 2022 по август 2023 года (предыдущее наше совместное исследование подводило итоги первого полугодия «спецоперации»). Мы старались избежать эффектных упрощений и безоговорочных обобщений. И стремились показать, что, несмотря на катастрофические последствия «спецоперации» для массового сознания и морального здоровья нации, российское общество остается очень сложным и, возможно, небезнадежным.

Уровни поддержки «спецоперации»

Есть много индикаторов, измеряющих уровни поддержки разных аспектов СВО. Обилие опросных данных — благодатная среда для спекуляций. Сторонники российской власти выбирают те цифры, из которых можно сделать вывод о безоговорочной поддержке действий армии населением. Противники, наоборот, стараются доказать, что эта поддержка невелика. Мы же настаиваем на необходимости рассматривать все существующие данные в их совокупности, а также понимать, какие аргументы стоят за ответами респондентов. В таком случае картина оказывается намного более сложной и менее однозначной, чем это представляется сторонникам той или другой версии реальности.

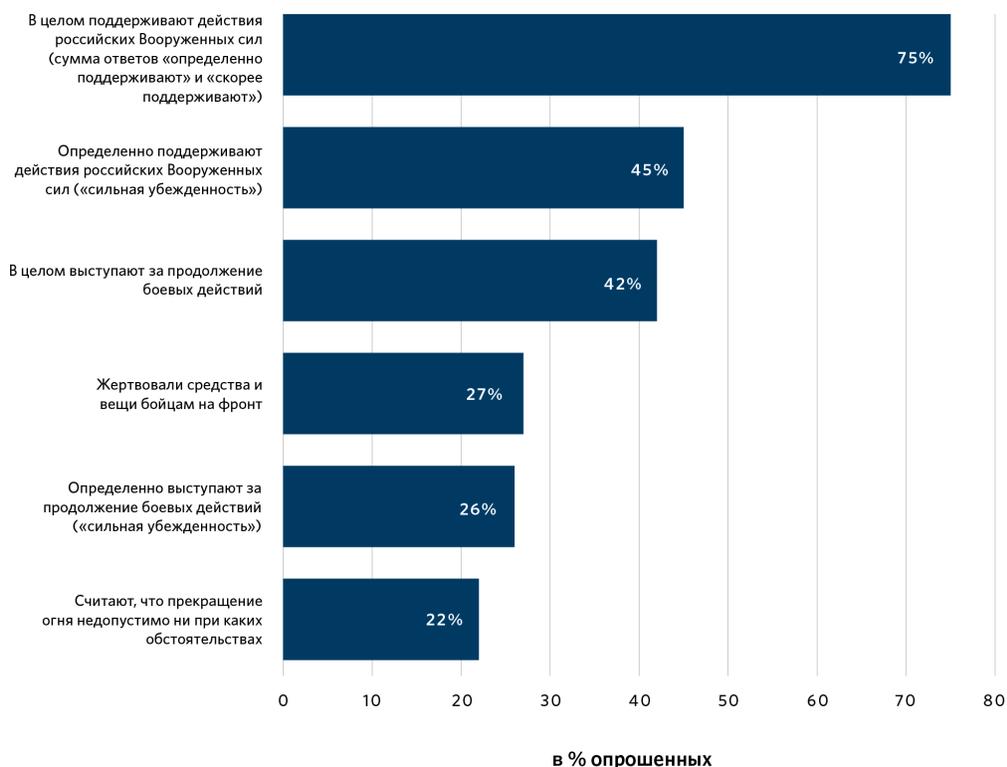
Уровни поддержки СВО можно представить в виде концентрических кругов, которые, словно годичные кольца на спиле дерева, расходятся от центра-сердцевины (показатели наибольшей поддержки) все шире и шире — к показателям слабой и даже условной поддержки на внешнем крае (см. рис. 1).

Здесь уместно следующее наблюдение. В самом начале конфликта респонденты (в ответах на открытые вопросы или в рамках фокус-групп) четко делились в употреблении слов: поддерживающие происходящее подчеркнуто говорили «спецоперация» или «СВО», а противники конфликта, явно храбрясь, употребляли слово «война». Но к концу 2022 года различия в употреблении респондентами этих слов более или менее стерлись.

На всем протяжении конфликта о своей поддержке действий российских Вооруженных сил в Украине заявляют в среднем порядка 75% респондентов.¹ Комментируя соответствующий вопрос социологов, респонденты часто поясняют: *«Это же наши мальчишки, наши воины, как их можно не поддерживать?»*. Ключевое слово — «наши» (его в словосочетании «наши ребята» часто употребляют и высшие должностные лица). Действительно, вопрос в этой формулировке фиксирует поддержку «своих», которые борются с «чужими», «противником».

Между тем эти 75% неоднородны. Порядка 30% респондентов выбирают более мягкую подсказку «скорее поддерживаю», часто прибавляя что-то в духе *«война — это плохо, но надо поддерживать своих»*, *«плохо, что гибнут люди, но по-другому было нельзя»* (это еще одно узнаваемое клише, навязываемое руководством страны и телевизором)². Этим людей можно отнести к группе «слабой» или «условной» поддержки, «поддержки меньшей интенсивности». И лишь в среднем 45% заявляют о «сильной», «категорической» поддержке, выбирая подсказку «определенно поддерживаю».

Рис. 1. Сводный график различных уровней поддержки СВО

Мотивы и демография поддержки.

Практически все, кто положительно отвечает на вопрос о поддержке российских военных, могут объяснить свою позицию. В апреле 2023 года только 10% затруднились с ответом на вопрос, почему они придерживаются такого мнения (что для открытого вопроса очень хороший результат и косвенным образом подтверждает, что эти данные можно трактовать как поддержку, пусть и разной степени интенсивности).³ В первую очередь респонденты ссылаются на самые общие патриотические чувства: «Я за Россию», «за свою страну» и прочее (19%). И уже затем звучат три главных обоснования, которые практически идентичны сложившемуся пониманию целей СВО⁴: защита России (ее территории, суверенитета и проч.), уничтожение украинских националистов (фашистов, нацизма и проч.), защита русскоязычных граждан Донбасса (братского народа, соотечественников, детей и проч.). Каждый из этих трех пунктов набирает по 14–16%. Отметим отсутствие большой разницы в ответах на этот вопрос между группами сильной и слабой поддержки. Разве что первые чуть больше индоктринированы и чаще говорят о необходимости «борьбы с украинским фашизмом». Между тем основные демографические различия в ответах респондентов довольно устойчивы. Поддержка СВО характерна прежде всего для традиционных сторонников путинского режима: это люди старших возрастов, телезрители; мужчины демонстрируют поддержку большей интенсивности по сравнению с женщинами.

Другой показатель поддержки происходящего (для которого характерны уже более скромные значения) — это вопрос о целесообразности продолжения военных действий или же перехода к мирным переговорам. За последний год — с августа 2022-го по август 2023-го — сторонниками продолжения боев в среднем были порядка 42% (последний краткосрочный пик — 48% — пришелся на май этого года, вероятно, на фоне взятия Бахмута войсками РФ и сильных обстрелов российских приграничных городов, что могло ожесточить респондентов). В то же время порядка половины опрошенных стабильно выступали за перемирие (в том числе до трети тех, кто говорит о поддержке российских войск; подробнее см. следующий раздел). Однако обсуждение этих вопросов на фокус-группах показывает, что значительная часть сторонников прекращения конфликта отдает решение на откуп руководству: *«Мы люди маленькие — пусть большие люди решают»*. (Вариант самооправдания: *«Наверху лучше знают»*.)

Так или иначе, «сильная» поддержка продолжения военных действий (вариант «определенно продолжать») за указанный период составляла в среднем 26%. Примерно такой же была на конец 2022 года доля людей, которые «действительно поддерживали» происходящее, то есть собирали средства участникам «спецоперации». Максимально «провоенные» настроения при этом демонстрируют в среднем порядка 22% россиян, которые считают прекращение огня недопустимым ни при каких условиях.

Таким образом, **наиболее непримиримые и активные сторонники военных действий («ястребы») составляют около пятой части россиян**. Прежде всего это мужчины пенсионного возраста, более или менее удовлетворенные своим положением (при этом особой разницы в ответах в зависимости от образования или обеспеченности не видно), поддерживающие правительство и военных. В этих же слоях была сосредоточена поддержка частичной мобилизации. Эти люди точно не будут служить и лично ничем не рискуют. Они бойцы «диванных войск», легко «отправляющие» в окопы других и на расстоянии заботящиеся о «наших ребятах». Сторонники этой позиции поясняют ее следующим образом: *«Нельзя останавливаться на полпути, надо идти до конца»*; *«Если мы сейчас откажемся, то проиграем эту битву»*; *«Обратной дороги нет»* (ответы на открытый вопрос).⁵ В этих ответах слышится ожесточение, которое стало появляться все чаще со второй половины прошлого года: слишком много уже принесено в жертву, поэтому нужно продолжать.

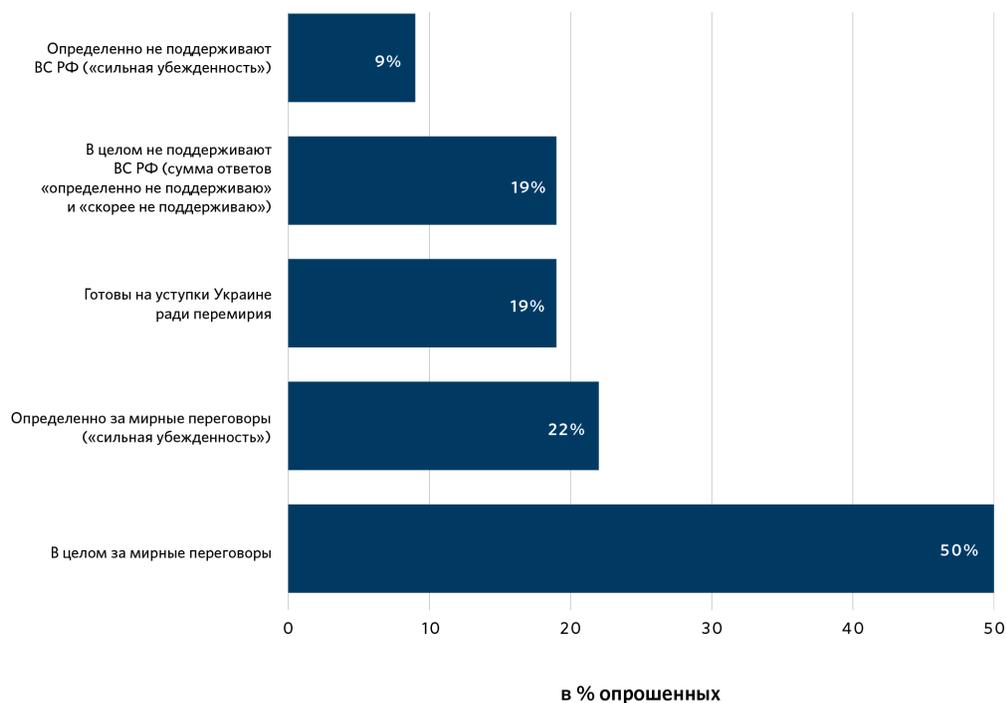
Уровни антивоенных настроений

Если говорить о доле россиян с последовательной антивоенной позицией, то в первую очередь стоит обратить внимание на тех, кто отрицательно отвечает на вопрос о поддержке российских Вооруженных сил. Эта цифра также весьма устойчива и составляет в среднем порядка 19-20% на всем протяжении замеров. Еще около 7%, как

правило, затрудняются с ответом на вопрос о поддержке, однако, по нашему мнению, их нельзя автоматически записывать в лагерь противников войны. Как формальная или пассивная поддержка «спецоперации» в практическом смысле является именно поддержкой, так и затрудняющиеся с ответом действительно не могут (или не хотят, или опасаются) разобраться с самими собой или с объяснением и оправданием двух противоположных позиций.

Как и в начале конфликта, наиболее четкие антивоенные взгляды демонстрируют оппозиционно настроенные граждане. Прежде всего более молодые россияне, получающие информацию преимущественно из интернета и в меньшей степени подверженные влиянию телевизионной пропаганды. Однако стоит учесть, что во всех указанных группах люди с антивоенными взглядами составляют меньшинство.

Рис. 2. Сводный график различных уровней антивоенных настроений

Мотивы антивоенной позиции.

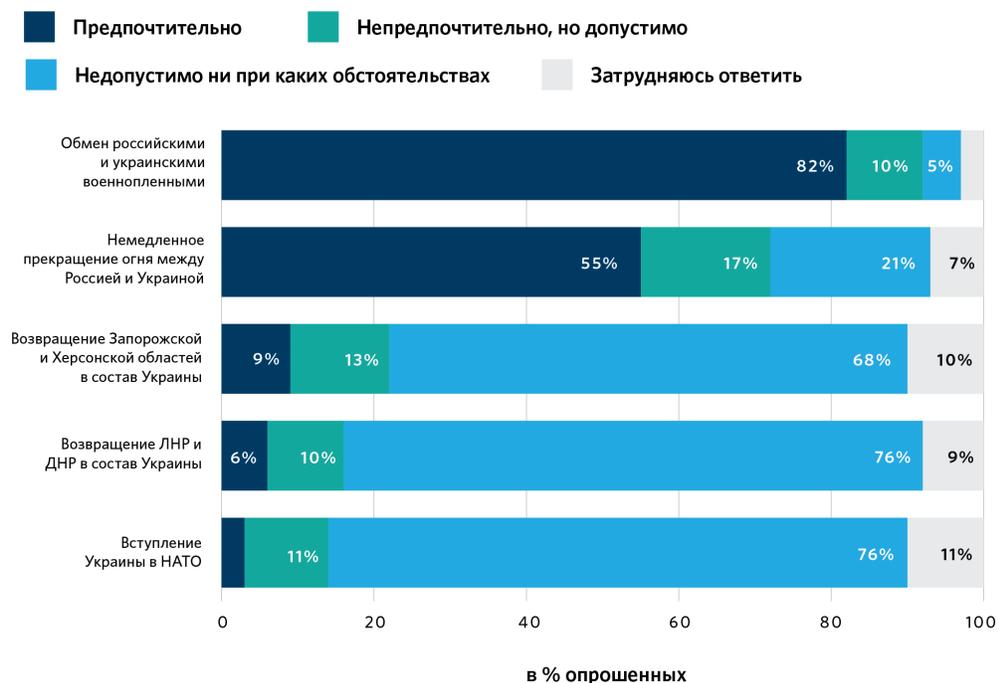
Противники «спецоперации» мотивируют свою позицию прежде всего общегуманитарными соображениями. Они говорят, что «война — всегда плохо», что они «за мир» и «против войны» (22% ответивших), а также ссылаются на уже понесенные потери среди солдат и мирного населения — «люди гибнут», «люди страдают» (21%).⁶ И только порядка 13% россиян с антивоенной позицией не просто выступают за мир, но и готовы возложить ответственность за происходящее на собственную страну: «мы первые начали», «это чужая земля», «это агрессия» и т. д.

Как и в случае с поддержкой СВО, нельзя измерять антивоенную позицию на основании только одного показателя. Важно также, например, что доля открытых противников «спецоперации» примерно равна числу тех, кто считает, что ради окончания военных действий и подписания мирного соглашения *«России следует пойти на определенные уступки Украине»*. По итогам трех замеров с февраля по август 2023 года речь шла примерно о 20% россиян.⁷

Также в среднем **около половины** россиян на протяжении последнего года (с августа 2022-го по август 2023-го) выступали за переход к мирным переговорам. При этом максимальные значения фиксировались осенью прошлого года. Посеянный частичной мобилизацией страх (см. подробнее следующий раздел) и ощущение, что военные действия теперь касаются каждого, привели к тому, что за два месяца число сторонников перехода к мирным переговорам увеличилось на треть: с 44% в августе до 57% в сентябре 2022 года. **По окончании мобилизации и после успокоения общества этот показатель уже к концу года вернулся к среднегодовым значениям.**

Однако сильную убежденность в необходимости переговоров все это время демонстрировала все та же пятая часть россиян. При этом по крайней мере половина сторонников прекращения военных действий не только оставляют это решение на откуп властям, но и не готовы к компромиссам с украинской стороной. Согласно опросам, большинство россиян в целом поддерживало обмен пленными между двумя странами (в сумме 92% в августе 2023 года), а также идею немедленного прекращения огня (72%, при этом 21% считали это недопустимым ни при каких обстоятельствах). Однако, например, идея возвращения новых территорий в обмен на заключение мирного договора популярностью не пользуется: менее четверти опрошенных считают это возможным условием⁸ (см. рис. 3). А это значит, что **к реальным компромиссам с украинской стороной российское общество не готово.**

Рис. 3. Является ли для вас ... предпочтительным, допустимым или недопустимым условием заключения мирного соглашения?

Затруднившиеся с ответами о своей позиции.

Доля людей, которые затрудняются с определением своей позиции по основным вопросам о поддержке российских военных, о переходе к мирным переговорам или продолжении военных действий, о допустимости различных компромиссов, в исследованиях «Левада-Центра» не превышает 10%, что говорит о способности людей определиться с позицией по данной теме. Нам кажется важным упомянуть эту группу, потому что некоторые исследователи искусственно раздувают ее масштаб: относят треть населения к затруднившимся с ответами, а затем причисляют их к противникам войны.⁹ С нашей точки зрения, это совершенно некорректно. Детальное рассмотрение ответов этих респондентов на другие вопросы анкеты показывает: они мало следят за происходящим и в том числе поэтому чаще затрудняются с ответами на другие содержательные вопросы. Значимые отличия «затруднившихся» от людей с определенной позицией наблюдаются лишь по нескольким социально-демографическим позициям — например, возрасту (они моложе) и полу (среди них больше женщин).

Неготовность протестовать

Из предыдущей нашей работы¹⁰ следовало, что россияне с антивоенной позицией не готовы протестовать. Настроения с тех пор практически не изменились. Более того, опросы показывают, что противники СВО гораздо реже ее сторонников готовы обсуждать украинские события в кругу семьи (29% против 53%) и тем более заявлять о своей позиции на людях (9% против 16%).¹¹

Что уж говорить об участии в протестах — крайне рискованном занятии в современной России. В стране по-прежнему действует запрет на проведение массовых мероприятий (включая митинги), введенный еще в период пандемии COVID-19.¹² При этом любой способ выражения недовольства происходящим карается властями немедленно и жестко, будь то административное или уголовное преследование, объявление «иноагентом» или внесудебные репрессии (например, увольнение с работы). Об этом свидетельствует подробная статистика правозащитного проекта «ОВД-инфо».¹³

Главное же, что после затухания протестов на российском Дальнем Востоке в поддержку Сергея Фургала в 2020 году, разгона манифестаций в поддержку Алексея Навального в 2021-м и первых антивоенных акций в феврале-марте 2023-го в российском обществе сложился консенсус: такие действия бесполезны, власти все равно сделают так, как считают нужным. Участники фокус-групп из разных регионов регулярно озвучивают эти тезисы в последние несколько лет. Тут, правда, следует оговориться, что есть разница между обществом в целом и гражданским обществом, которое — как мы видим по статистике преследований российских граждан с антивоенной позицией — в РФ все-таки, вопреки представлениям многих, существует.

Не стоит сбрасывать со счетов и факт консолидации общества вокруг власти в феврале-марте 2022 года (см. следующий раздел). Это явление изменило настроения даже среди некоторых бывших участников протестов. Пример — разговор одного из авторов этого исследования с постоянным участником нашумевшего движения против строительства мусорного полигона Шиес в 2018–2020 годах. Экологический протест казался этому человеку народным и справедливым, однако всех участников антивоенных акций 2022 года он считает предателями и наймитами Запада. И этот случай не уникален. Похожие трансформации произошли, например, с Павлом Устиновым, задержание которого на московском митинге в 2019 году вызвало мощную волну общественной поддержки и привело к его освобождению.¹⁴ Устинов попал в число мобилизованных и воевал в Украине, о чем с гордостью сообщил в передаче Бориса Корчевникова на одном из главных федеральных телеканалов страны — «Россия-1». Ведущий же — один из самых ярких борцов информационного фронта — заявил, что в 2019 году Устинова оклеветали и на протестной акции он оказался случайно.¹⁵ Участники опросов также периодически поясняют: «Да, в стране есть проблемы, власть не со всем справляется, но не поддержать президента было бы непатриотично».

В прошлом году было всего несколько заметных акций против частичной мобилизации. И речь не о Москве или Санкт-Петербурге (можно вспомнить лишь несколько коротких протестных эпизодов в этих городах), а о национальных республиках — Дагестане, Бурятии и Якутии. На улицы выходили преимущественно женщины — жены и матери мобилизованных. Но эти протесты быстро сошли на нет. Сегодня в российском обществе преобладает мнение, что протестовать опасно, бесполезно и непатриотично.¹⁶ И здесь еще раз оговоримся, что есть большая разница между двумя понятиями: «общество» и «гражданское общество».

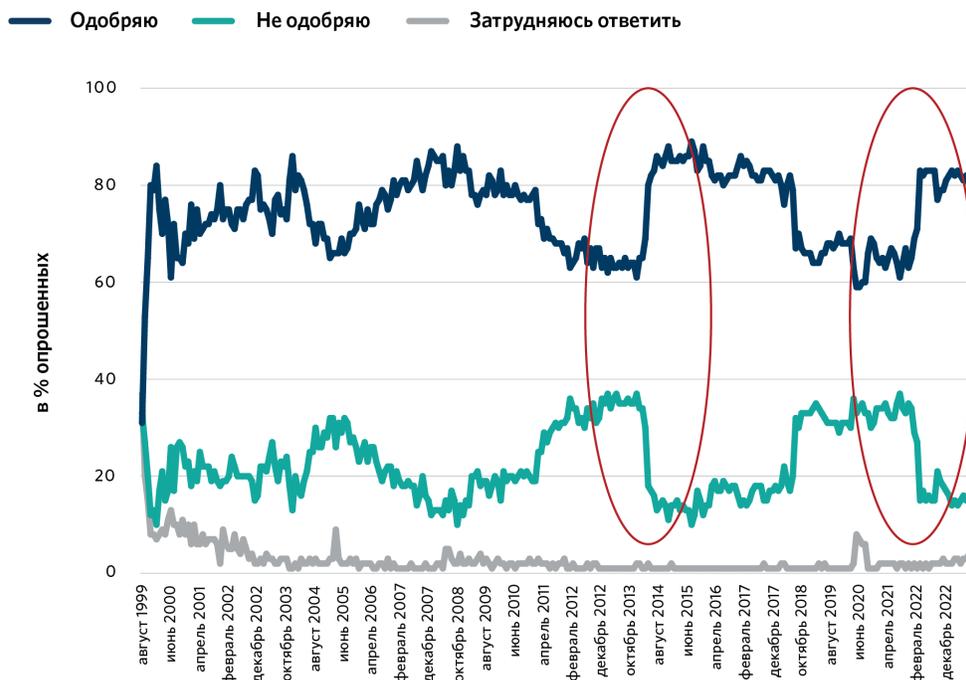
Социально-политический контекст мнений о войне

Понять причины устойчивости общественных позиций в отношении «спецоперации» можно только в более общем контексте настроений в 2022-2023 годах. Для этого рассмотрим динамику таких индикаторов, как поддержка власти и других государственных институтов, самоописание настроения респондентов, оценки социально-экономической обстановки и ожиданий от будущего. Взятые в своей совокупности, эти показатели рисуют все ту же картину довольно устойчивых, даже инертных социальных настроений. И вместе с тем в них гораздо более отчетливо проступают ключевые события, которые во многом и определили общественные настроения последних полутора лет.

Кроме того, существует возможность проследить изменения общественно-политических индикаторов на протяжении нескольких десятилетий. И это позволяет сравнить реакции людей на происходящее сегодня с оценками политических и экономических событий последних примерно 30 лет. В такой перспективе сегодняшнее отношение людей к военным действиям выглядит гораздо более понятным. Или даже предсказуемым.

Так, **консолидация вокруг власти** сразу после начала «спецоперации» — а это поддержка не только Путина, но и всех государственных институтов, включая «партию власти» — не выглядит чем-то неожиданным, если отслеживать динамику этих индикаторов не с только с февраля-марта 2022 года, но с более раннего периода. Например, рейтинг одобрения Путина пошел вверх уже на фоне взаимных обвинений России и Запада: с ноября 2021 года по середину февраля 2022-го он вырос на 8 п. п. (с 63% до 71%), а с конца февраля по март 2022-го (то есть уже после начала военных действий) — еще на 12 п. п. (до 83%). И этот второй скачок оказался практически идентичен тому, который наблюдался в феврале-марте 2014 года. После присоединения Крыма к России и на фоне резкого обострения конфликта с Западом рейтинг одобрения президента вырос сразу на 11 п. п. — с 69% до 80%.¹⁷

Рис. 4. Одобрение деятельности В. Путина в 1999–2023 гг.

Эффект консолидации общества вокруг власти с началом международного конфликта не уникален для России. Похожая ситуация была, например, во Франции во время войны в Алжире, а также в США во время войн во Вьетнаме¹⁸ и Ираке.¹⁹ Поэтому вряд ли российский пример стоит объяснять проблемами опросной индустрии. Напротив, российские опросы об отношении к войне показывают ровно то, что можно было бы ожидать и что подтверждается многолетней динамикой показателей: периоды максимальной милитаризации атмосферы в стране всякий раз провоцируют рост урапатриотических настроений и поддержки власти. В отечественной истории прецеденты такого рода наблюдались не раз. При этом, например, патриотический подъем после начала Первой мировой в гораздо большей степени напоминает сегодняшние настроения, чем ситуация во время Афганской войны.²⁰ В позднесоветский период ни о каких мобилизационных настроениях в обществе речи и не шло.

Также не должно удивлять, что большинство россиян воспринимает нынешнее противостояние не как конфликт России и Украины, а как **конфликт России и Запада** по поводу Украины. К этому дело шло уже в 2021 году²¹, а дальнейшая массированная военная помощь стран Запада Киеву и соответствующая пропагандистская интерпретация этих событий лишь убедили респондентов в справедливости таких суждений. Однако в том же ключе большая часть российского общества воспринимала и международные конфликты последних лет с участием России (войну с Грузией в 2008-м, события 2014-го вокруг Украины, вмешательство в ситуацию в Сирии после 2015-го).²²

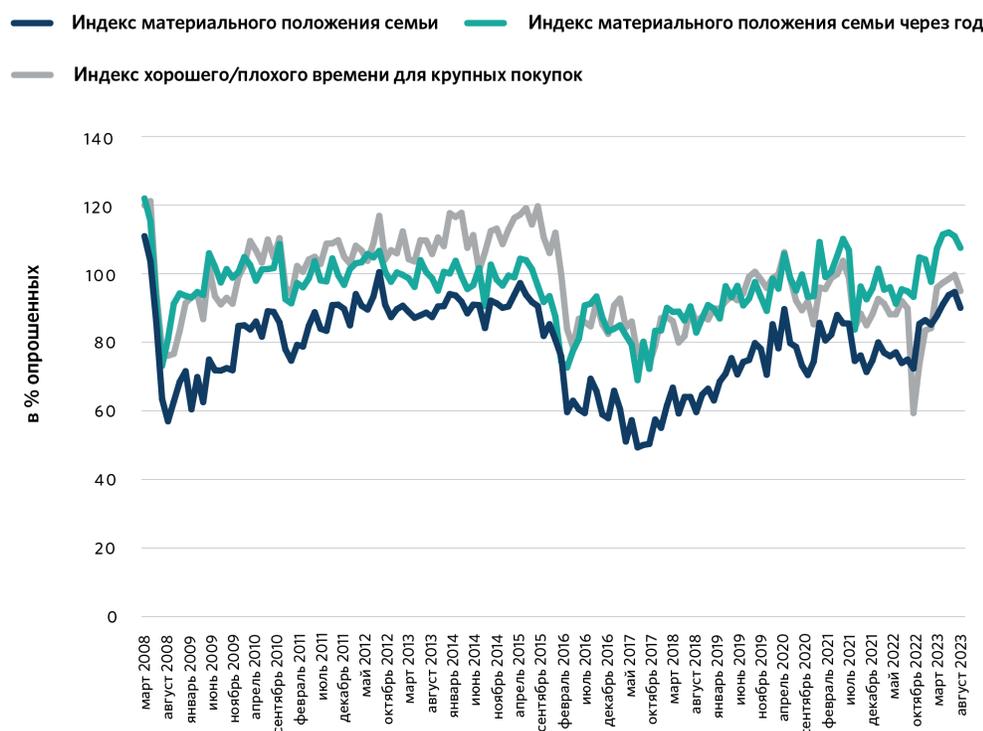
Общественная реакция на начало военных действий в 2022 году заставляет постфактум уточнить объяснение общественной консолидации в 2014-м. Видимо, для «ралли вокруг флага» в большей степени важны само состояние конфликта с Западом, уверенность в существовании «экзистенциальной» угрозы для страны, нежели эйфория от территориальных приобретений, как это было после присоединения Крыма.

Интенсивность навязывания негативных представлений о Западе и напоминания о длительной истории противостояния с ним укрепляют в сознании многих россиян представления о «желании западников уничтожить Россию». И в таком виде оправдание самого начала конфликта выглядит респектабельно и чуть ли не исторически — слово «экзистенциальный» подчеркивает перманентный и глубокий характер якобы неизбежного противостояния с Западом. Для затрудняющихся с ответом и тех, кто скорее поддерживает «спецоперацию», особенно характерно в целом индифферентное отношение к тому, что делается в политических верхах. Эти люди всячески пытаются избежать личного и физического вовлечения в разные инициативы властей. В результате обывателю проще принять на веру логику оправданий конфликта со стороны официальных лиц и пропагандистских институций, чем всерьез самостоятельно задуматься над смыслом происходящего.

Вопросы, связанные с оценкой экономической ситуации, также помогают выявить несколько ключевых тенденций. **Шок от введения санкций** лучше всего зафиксировал индекс целесообразности крупных покупок (этот индикатор строится на основании вопроса, который задается каждые два месяца).²³ С февраля по апрель 2022-го индекс обвалился с 90 п. п. до 59 п. п. — в условиях неопределенности люди поставили крупные траты на паузу. Однако уже через два месяца индикатор восстановился до 74 п. п. и после этого непрерывно рос, вплоть до своего пика в июне 2023 года (100 п. п.). То есть **адаптация к новым экономическим условиям** произошла буквально за пару месяцев. Первые признаки этого показывали комментарии людей на фокус-группах в апреле 2022 года: респонденты рассказывали об уходе в частную жизнь, решении экономических проблем, приспособлении к выросшим ценам, но делали это без паники. А в мае-июне 2022 года об успешной адаптации свидетельствовали уже и результаты опросов общественного мнения (см. рис. 5).

При этом оценки респондентами экономического положения своей семьи (и актуальное состояние, и мысли о будущем) практически никак не изменились с февраля по апрель 2022 года. Иными словами, шок люди испытали, но стабилизация произошла так быстро, что ухудшение экономического положения мало кто ощутил. Ключевую роль, вероятно, сыграли действия правительства по поддержке банковской системы: резкий рост процентов по вкладам, произошедший после повышения ключевой ставки, убедил людей вернуть в банки деньги, которые они в массовом порядке снимали со счетов в конце февраля — начале марта. Если бы финансовая система тогда рухнула, сегодня мы бы описывали совсем другие общественные настроения.

Рис. 5. Экономические оценки ситуации в 2008–2023 гг.

Примечание: Индекс строится как разница положительных и отрицательных оценок + 100%.

Первой жертвой экономических санкций должен был стать узкий слой населения — представители вестернизированного городского класса, обладающие сбережениями в валюте и, например, владеющие акциями иностранных компаний. Но таковых всего несколько процентов населения. Часть людей в срочном порядке выехали из страны. А у оставшихся все равно оказалось достаточно ресурсов для адаптации.

Для большинства же населения экономический и финансовый шок имел весьма ограниченные масштабы. И уже с прошлого лета мы наблюдали **длительный устойчивый тренд на улучшение оценок собственного положения** — индекс материального положения семьи вырос с 72 п. п. в апреле 2022-го до 85 п. п. в июне прошлого года и вплоть до 95 п. п. в июне 2023-го. Прежде всего рост происходил за счет сокращения числа тех, кто раньше говорил об ухудшении ситуации. И только в августе наметился небольшой спад этого показателя. Может быть, реагируя на это ухудшение настроений, правительство и поспешило объявить о новом повышении зарплат бюджетников.²⁴

По всей видимости, люди ощутили эффект от произошедшего 1 июня прошлого года повышения минимального размера оплаты труда и пенсий.²⁵ Свою роль сыграли также иные пособия и крупные выплаты участникам «спецоперации» (в начале следующего года планируются новые индексации²⁶). Во всяком случае, именно на это указывали наши респонденты в конце прошлого года, когда объясняли, почему они считают, что «страна движется в правильном направлении».²⁷ Поэтому справедливо сказать, что устойчивость общественных настроений в России в 2022-2023 годах во многом была обеспечена масштабными государственными выплатами населению.

Все это указывает на более интенсивное возвращение государства в экономику. Власти крайне заинтересованы в покупке лояльности своей социальной базы — людей, зависимых от них прежде всего в материальном плане. Это и бюджетники, и представители социально уязвимых слоев населения, и участники СВО вместе с семьями. Масштабные социальные выплаты и повышение зарплат тех, кто работает на государство (а уж тем более на военно-промышленный комплекс), объясняют некоторый статистический рост реальных доходов населения.

Совсем не случайно государственная пропаганда всячески подчеркивает вовлеченность первого лица в процессы поддержания динамичного развития экономики и социальной сферы на новой, «суверенной» основе. Президент показывает, что для него важна и мирная повестка. Он встречается с предпринимателями, инноваторами, талантливыми детьми, многодетными семьями. Создается ощущение, что нет дефицита ресурсов, кадров и бюджета. Нет потерь, смертей и в целом жесточайшего вооруженного конфликта.

Большая часть населения понимает, что противостояние в Украине — это надолго²⁸, и предпочитает приспосабливаться к новым обстоятельствам. Меньше думать о военных сюжетах, а больше — о частной жизни. Не объявляя новую военную мобилизацию, власти имеют возможность поддерживать индифферентные и спокойные настроения существенной части граждан. Сеансами пропагандистской седатирующей терапии и материальной помощью государство покупает поддержку населения (это может создать проблемы в будущем, учитывая уже ставший хроническим дефицит федерального бюджета). Но все это — дом, стоящий на болоте: нынешние сторонники «спецоперации» в случае смены власти и ее политики могут очень быстро поменять мнение, так как продолжают следовать в фарватере государственного мейнстрима.

Оценки собственного настроения респондентов оставались устойчиво позитивными почти на всем протяжении прошедших полутора лет. Сильно не сказались ни начало военных действий, ни санкции и связанные с этим экономические проблемы (напротив, как мы отметили ранее, к лету 2022-го по мере адаптации к новым экономическим условиям настроения начали улучшаться), ни военные неудачи (например, отступление из Харьковской области или из Херсона). Было лишь одно значимое исключение — период частичной мобилизации 2022 года.

Это можно объяснить тем, что респонденты часто склонны разделять личное и государственное.²⁹ В стране могут быть проблемы, — главное, чтобы они сильно не затрагивали сферу частной жизни конкретного человека. И на большем протяжении российско-украинского конфликта именно так и получалось. После первой фазы шока, который выразался не столько в страхе, сколько в повышенном внимании к происходящему, для большинства россиян украинский конфликт стал далекой войной, которая ведется где-то на окраинах большой страны и напрямую не затрагивает жизнь обывателя. Так продолжалось до конца сентября 2022 года, когда **настроения резко ухудшились после объявления частичной мобилизации.**

Рис. 6. Оценки респондентами своего настроения в 1993–2023 гг.

Еще в июле 2022 года 80% говорили о «прекрасном» или «нормальном, ровном» настроении. Но уже в конце сентября произошло снижение этого показателя до 52%. Зеркальным образом выросло число тех, кто говорил о «напряжении, раздражении, страхе и тоске» — с 21% до 47%. Доли «оптимистов» и «пессимистов» практически сравнялись, такого соотношения не наблюдалось с начала 2000-х годов, когда страна только-только начала выходить из трансформационного кризиса. **А столь резкого одномоментного спада настроений не было за все тридцать лет регулярных социологических наблюдений.** Колоссальный стресс в связи с мобилизацией был связан с абсолютно непонятными тогда правилами призыва. Создавалось впечатление, что призвать могут каждого, то есть боевые действия в Украине теперь касаются всех. А этого — прямого вовлечения в военные инициативы власти — людям очень не хотелось. Неудивительно, что именно на этом фоне выросло число сторонников мирных переговоров (с 44% в августе до 57% в октябре — максимальный показатель за все время замеров). В то же время снизился рейтинг Путина, хотя и не так значительно — с 83% в июле-августе до 77% в сентябре).³⁰

Однако довольно быстро россияне отошли от шока. Кроме того, для многих имели значение представления о долге перед государством. Первые признаки этого были заметны уже к концу сентября 2022 года.³¹ Так общество отреагировало на то, что правила призыва уточнили, кого-то из ошибочно мобилизованных вернули домой, и сама мобилизация оказалась частичной — к началу ноября власти ее объявили завершённой, хотя определенный уровень тревожности остался. Немало россиян было вынуждено смириться и с военным конфликтом, и с тем, что их родственники попали на фронт, и с рисками латентной мобилизации как той силы, которой невозможно

противостоять. При этом большинство граждан страны смогли снова погрузиться в повседневную рутину, отгородившись от новостей из Украины. Они вновь решили, что происходящее их напрямую не касается. Этого оказалось достаточно, чтобы настроения к концу года практически вернулись на «домобилизационные» уровни. Уже в декабре соотношение людей с позитивным и негативным настроением составляло 77% на 23%. С тех пор оно держится на этом уровне. Соответственно, восстановились оценки деятельности президента и снизилось число сторонников мирных переговоров.

По сути, вернулся социальный контракт, предполагавший не общественную мобилизацию, а эмоциональную и психологическую демобилизацию: живите обычной жизнью в условиях затянувшейся «спецоперации», а профессионалы, добровольцы, контрактники, «наши ребята» решат военные вопросы, но нам в целом нужна ваша поддержка. Такую модель приняло большинство граждан страны.

В результате у россиян есть возможность приспособиться к текущим обстоятельствам благодаря сохранению элементов нормальной жизни. В России все частично. Частичная мобилизация, частичная военная экономика, частичная деградация уровня и качества жизни. Есть время и силы адаптироваться и ощутить каждый этап ухудшения жизни и обстановки как новую нормальность. Интересно, что расширение планов по внедрению электронных повесток и увеличению призывного возраста практически никак не повлияло на общественные настроения. Вероятно, дело в масштабе происходящего — если в первые недели после объявления мобилизации россиянам казалось, что это может коснуться практически каждого мужчины, то расширение призыва затрагивает конкретную и намного более узкую группу людей. Кажется, что общая установка такая: паниковать нужно, когда событие случится и затронет тебя лично. А там авось пронесет — с неприятностями надо разбираться по мере их поступления.

Российские власти, видимо, извлекли урок из общественной реакции на частичную мобилизацию и пока что перешли на укомплектование армии преимущественно за счет контрактников — только недавно официальные лица отчитались о привлечении с 1 января таким образом на службу 280 тысяч человек, и эта цифра продолжает расти.³² Обилие агитационных плакатов, листовок, рекламы в социальных сетях и в почтовых ящиках, наличие стоек по вербовке добровольцев в торговых центрах — все это уже начинает вызывать раздражение у респондентов. Однако лучше так, чем когда забирают в солдаты по разнарядке на предприятии или устраивают облавы у метро. Пока за тебя воюет кто-то другой, на многое можно закрыть глаза.

Надежность опросных данных.

Данные, приведенные в этой работе, получены методом личного интервью. Для каждого опроса мы рассчитываем уровень достижимости респондентов (response rate), используя рекомендации Американской ассоциации изучения общественного мнения (AAPOR)³³. Средний уровень достижимости для приведенных данных в 2022 году, а также в январе — августе 2023-го составил 27%. Это несколько меньше, чем в 2021-м (в среднем — 31%), но выше по сравнению с показателями предыдущих лет (в 2020-м — 25%, в 2019-м — 20%). В США такой уровень достижимости считается «золотым стандартом».³⁴ Поэтому неверно считать, что люди в России в массовом порядке отказываются от участия в опросах.

Если бы дела обстояли иначе, то опросы по привычной методологии оказались бы невозможны: интервьюеры не стали бы браться за заведомо невыполнимое задание либо же стоимость их работы кратно выросла. Но этого не происходит.

При этом если респонденты уже согласились отвечать, то, как правило, проходят опрос до конца (особенно если это личное интервью). Проблема прерванных интервью изучалась нами специально в конце прошлого года.³⁵ Анализ показал, что это стабильный показатель, который практически не меняется во времени. На вопросах, связанных с Украиной и «спецоперацией», в 2022 году в каждом опросе было прервано всего от двух до семи интервью. В рамках всего исследования это незначительная величина. Вопросы по «украинской» тематике в этом смысле ничем не отличаются от вопросов на другие темы.

Наконец, часто звучит тезис о том, что в России респонденты находятся под постоянно увеличивающимся давлением власти и официальных СМИ, в связи с чем боятся дать «неправильный» ответ. А значит, и самим опросам доверять нельзя: они не показывают, что люди думают «на самом деле». Но, как сказал поэт Джон Донн, «человек — не остров, но каждый, целиком, — обломок континента, часть простора». То есть ни один человек никогда и нигде не свободен от чужих влияний — прессы, мнений известных политиков, представлений о мнении большинства других людей. И сама способность людей улавливать, какой ответ является «правильным» или «социально одобряемым», показывает наличие общественного мнения, принуждающего индивида к конформизму. А этот конформизм, в свою очередь, принуждает людей действовать в рамках социально одобряемого поведения. Иногда это страх, но далеко не всегда. Скорее желание оставаться в мейнстриме, не выделяться из толпы, не высовываться. Такое поведение отражает и отсутствие собственного мнения по поводу происходящего.

Как мы пытались показать, динамика ответов на вопросы о политике и, в частности, об отношении к российско-украинскому конфликту хорошо соотносится с ответами на более общие вопросы (о настроениях, экономической ситуации и проч.), в отношении которых вряд ли стоит говорить о страхе или неискренности респондентов. А главное, что выводы об общественном климате в России, опирающиеся на долгосрочные исследования общественного мнения, неизменно оказываются более точными и взвешенными, нежели измышления комментаторов, опирающихся только на настроения своего ближнего круга.

Доктор Стрейнджлав в России. Вместо послесловия

Российское массовое сознание зависло между *«идти до конца, слишком много вложено, только победа»* (так говорит каждый третий из числа сторонников продолжения военных действий) и *«много ребят погибает, много жертв со всех сторон»* (такие фразы произносит половина респондентов из числа тех, кто выступает за мирные переговоры).³⁶ Усталость от «спецоперации» есть, но общество с разных сторон по-разному видит варианты окончания боевых действий. Проблема в том, что «массовый человек», условный средний россиянин считает своим — в буквальном смысле — долгом следовать за тем, что государство считает высокоморальным и правильным. Поэтому растет, например, поддержка репрессивных и рестриктивных законов,³⁷ а 66% респондентов поддержали бы или скорее поддержали бы друга или члена семьи, решившего отправиться воевать (данные мая 2023 года).³⁸ 53% негативно относятся к тем, кто покинул страну из-за начавшейся мобилизации, — это отражение представления о должном.³⁹

Впрочем, некоторые данные свидетельствуют о сомнениях опрошенных. Если бы респонденты вернулись в прошлое, то 48% все равно бы поддержали начало «спецоперации», а 39% — не поддержали бы. Почти 40% — это серьезный показатель. Он коррелирует с другой цифрой: 41% полагает, что «спецоперация» принесла больше вреда, чем пользы (противоположной точки зрения придерживается 38%).⁴⁰ Значит, многие поддерживают начинание властей, понимая, что оно приносит вред. Наглядное проявление механизма предустановленной покорности: *«Раз начальство решило, значит, так тому и быть»*, *«начальству виднее»*. А РФ в представлении многих россиян — и это заметно, в том числе, по фокус-группам — все равно приравнивается к политическому режиму: *«Судьба страны поставлена на карту»*. На карту поставлена скорее судьба режима, чьи интересы совсем не обязательно совпадают с интересами страны. Но такой ход мысли не является доминирующим.

За минувшие годы общество так и не смогло эмансипироваться от государства. Так что государственный интерес, особенно на символическом уровне (флаг, гимн, президент, армия), все еще — в глазах большинства — приравнивается к интересу национальному. И это обстоятельство выявила именно «спецоперация». Властям в бытовых и повседневных вопросах не очень доверяют, и тем не менее сакрализуют государство, ведущее свою «оборонительную» и «освободительную» битву с придуманным врагом, «напавшим» на родину.

Доминирующее общественное мнение все еще формируется, если заимствовать термин из экономики, предложением — именно пропагандистское и идеологическое предложение государства искусственно рождает (или будит дремавший годами) спрос на ложное имперское «величие» страны. У общества пока нет иммунитета против

такого предложения государства. Российский народ, конечно, не коллективный доктор Стрейнджлав, который «перестал беспокоиться и полюбил атомную бомбу», но процессы, происходящие в обществе в течение полутора лет затянувшейся «спецоперации», безусловно, портят мораль многих россиян и искажают их представления о реальности. Год назад представители этой части общества предпочитали спрятаться от реальности. А теперь они живут в ее искусственно сформированном аналоге, где российская нация выполняет мессианскую миссию и обороняет себя от Запада, стремящегося разрушить Россию.

Об авторах

Андрей Колесников — старший научный сотрудник Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии.

Денис Волков — социолог, директор Левада-Центра.

Примечания

- 1 Приводится средний показатель суммы ответов «определенно поддерживаю» и «скорее поддерживаю». См. <https://www.levada.ru/2023/09/05/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-avgusta-2023-goda/>
- 2 Мы уже писали об этом в прошлом году, с тех пор ситуация особо не изменилась. «Шок и трепет спецоперации» <https://carnegieendowment.org/politika/87626>
- 3 См. <https://www.levada.ru/2023/04/27/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-aprelya-2023-goda/>
- 4 См. <https://www.levada.ru/2023/03/02/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-fevralya-2023-goda/>
- 5 <https://www.levada.ru/2023/09/05/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-avgusta-2023-goda/>
- 6 <https://www.levada.ru/2023/04/27/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-aprelya-2023-goda/>; <https://www.levada.ru/2023/09/05/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-avgusta-2023-goda/>
- 7 *Алексащенко А.* Мы за мир. По «формуле Путина» <https://hronika.substack.com/p/fdc>
- 8 <https://www.levada.ru/2023/09/05/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-avgusta-2023-goda/>
- 9 См. проект «Хроники», опросы 2–9. Большое число затруднившихся с ответом на вопрос «о поддержке спецоперации» в их случае достигается за счет того, что позиции «затрудняюсь ответить» и «отказываюсь отвечать на вопрос» включены в формулировку вопроса и зачитываются респондентам, в то время как в других вопросах их анкеты (и в вопросах Левада-Центра) такие опции не зачитываются и отмечаются лишь в том случае, если респондент сам затруднился с ответом или отказался отвечать.
- 10 <https://carnegieendowment.org/politika/87626>
- 11 <https://www.levada.ru/2023/03/31/razgovory-so-znakomymi-i-obsuzhdenie-ukrainskih-sobytij/>
- 12 В прошлом году на отмене запрета на проведение массовых мероприятий настаивала партия «Яблоко», теперь к ним присоединились представители парламентской оппозиции. Но безрезультатно. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/08/989067-v-gosdume-predlozhili-otmenit>
- 13 <https://data.ovd.info/svodka-antivoennykh-repressiy-august#3>
- 14 <https://www.forbes.ru/obshchestvo/383935-ostanovka-konveyera-pochemu-vlast-ne-smogla-posadit-pavla-ustinova>

- 15 <https://t.me/bloodysx/30084>
- 16 <https://newtimes.ru/articles/detail/245355>
- 17 <https://www.levada.ru/indikatory/> О некоторых отличиях консолидации 2022 года от настроений 2014 года см. *Гудков Л.* Три фазы адаптации <https://ge-russia.net/expertise/009>
- 18 *Алексащенко С.* Поддержка войны, увы, это нормально. <https://hronika.substack.com/p/59f>
- 19 <https://news.gallup.com/poll/1633/Iraq.aspx>
- 20 *Владислав Аксенов.* Война патриотизмов. Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., Новое литературное обозрение, 2023.
- 21 <https://www.levada.ru/2021/12/14/obostrenie-v-donbasse/>
- 22 *Волков Д.* Нас втягивают в войну <https://www.levada.ru/2022/01/18/nas-vtyagivayut-v-voynu/>
- 23 *Индекс строится как разница положительных и отрицательных оценок + 100%.*
- 24 <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/64f0c30b9a79474732020331>
- 25 <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10981981>
- 26 <https://tass.ru/ekonomika/17606145>
- 27 <https://www.levada.ru/2022/12/30/resursy-sпокојstviya-pochemu-dlya-rossiyan-2022-j-ne-stal-samym-strashnym-godom/>
- 28 <https://www.levada.ru/2023/07/28/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-iyulya-2023-goda/>
- 29 См., например, расхождения в оценках итогов года для России и для самих респондентов <https://www.forbes.ru/mneniya/483091-resursy-sпокојstvia-pochemu-dla-rossiyan-2022-j-ne-stal-samym-strashnym-godom> Или расхождения компонентов Индекса социальных настроений, отражающих личное положение респондента и ситуацию в стране <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>
- 30 Рейтинги президента и других государственных институтов обычно реагируют на плохие новости не сразу. Должно пройти время (как правило, несколько месяцев), прежде чем негативные изменения будут прочувствованы, а ответственность за это окажется перенесена на власти. <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>
- 31 <https://www.agents.media/uzhas/>
- 32 <https://ria.ru/20230903/kontrakt-1893899701.html>
- 33 <https://www-archive.aapor.org/Education-Resources/For-Researchers/Poll-Survey-FAQ/Response-Rates-An-Overview.aspx>
- 34 *Rosenfeld B.* <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD292.pdf>
- 35 <https://www.levada.ru/2022/11/15/o-nedostizhimosti-i-prervannyh-intervyu/>
- 36 <https://www.levada.ru/2023/09/05/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-avgusta-2023-goda/>
- 37 <https://www.levada.ru/2023/01/16/massovoe-voispriyatie-inostrannyh-agentov/>
- 38 <https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/russians-are-split-over-benefits-military-action-ukraine>
- 39 <https://www.levada.ru/2023/03/07/emigratsionnye-nastroeniya-i-otnoshenie-k-uchavshim-iz-rossii/>
- 40 <https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/russians-are-split-over-benefits-military-action-ukraine>

Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии

Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии объединяет ведущих политических экспертов из России и соседних стран для работы над независимым анализом событий в регионе и их влияния на остальной мир.

Российско-евразийская программа

Со времен окончания холодной войны Фонд Карнеги за международный мир является ведущим аналитическим центром, специализирующимся на реалистичном анализе и практических рекомендациях в области внутренней и внешней политики, контроля над вооружениями и нераспространения, а также экономических и социальных вопросов.

**БЕРЛИНСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ И ЕВРАЗИИ**

CarnegieRussiaEurasia.org